

Пржевальский Н.

**МОНГОЛИЯ
И СТРАНА ТАНГУТОВ**

ПУТЕШЕСТВИЯ ВОКРУГ СВЕТА

Путешествия вокруг света

Николай Пржевальский
Монголия и страна тангутов

«Алисторус»

1874

УДК 82/992

ББК 26.89(2Рос=Рус)

Пржевальский Н. М.

Монголия и страна тангутов / Н. М. Пржевальский —
«Алисторус», 1874 — (Путешествия вокруг света)

ISBN 978-5-486-02830-4

Николай Михайлович Пржевальский (1839—1888) — знаменитый русский путешественник; был первым исследователем природы Центральной Азии. Он обладал изумительной способностью наблюдать, умел собирать большой и разнообразный географический и естественно-научный материал и связывал его воедино при помощи сравнительного метода. Он был крупнейшим представителем сравнительной физической географии, зародившейся в 1-й половине XIX в. В честь Пржевальского в 1891 г. Русское географическое общество учредило серебряную медаль и премию его имени; в 1946 г. — золотую медаль. Именем Пржевальского названы: город, хребет в системе Куньлуня, ледник на Алтае и другие географические объекты, а также ряд видов животных и растений. В книге «Монголия и страна тангутов», публикуемой в данном издании, в увлекательной форме изложены научные результаты одной из экспедиций Пржевальского, дающие яркую картину природы и характеристики рельефа, климата, рек, озер, растительности и животного мира изученных территорий. Эта книга вместе с другими его сочинениями сделала Пржевальского известнейшим исследователем Азии, человеком, про которого вице-президент Русского географического общества П. П. Семенов-Тянь-Шанский сказал: «Лавры его венка суть вместе с тем лучшие лавры почти полувековой деятельности нашего общества».

УДК 82/992

ББК 26.89(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-486-02830-4

© Пржевальский Н. М., 1874

© Алисторус, 1874

Содержание

Николай Михайлович Пржевальский	6
Предисловие	12
Глава первая	15
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Николай Михайлович Пржевальский

Монголия и страна тангутов

Николай Михайлович Пржевальский
(1839–1888)

Знаменитый русский путешественник Николай Михайлович Пржевальский был первым исследователем природы Центральной Азии. Он обладал изумительной способностью наблюдать, умел собирать большой и разнообразный географический и естественно-научный материал и связывал его воедино при помощи сравнительного метода. Он был крупнейшим представителем сравнительной физической географии, зародившейся в первой половине XIX века.

Николай Михайлович Пржевальский родился 12 апреля 1839 г. в сельце Кимборово Смоленской губернии, в небогатой семье. Шестилетним ребенком лишился он отца. Его воспитывала мать – женщина умная и строгая. Она предоставила сыну широкую свободу, позволяла ему выходить из дому в любую погоду, бродить по лесу и болотам. Ее влияние на сына было очень велико. К ней, так же как и к няне Ольге Макарьевне, Николай Михайлович навсегда сохранил нежную привязанность.

С детства Н. М. Пржевальский пристрастился к охоте. Эту страсть он сохранил на всю жизнь. Охота закалила его и без того здоровый организм, развила в нем любовь к природе, наблюдательность, терпение и выносливость. Любимыми его книгами были описания путешествий, рассказы о нравах зверей и птиц, разные географические книги. Читал он очень много и до мелочей запоминал прочитанное. Часто товарищи, проверяя его память, брали знакомую ему книгу, читали на любой странице одну-две строчки, а дальше уже Пржевальский говорил наизусть целые страницы.

Окончив смоленскую гимназию, шестнадцатилетний юноша во время Крымской войны поступил рядовым в армию. В 1861 г. он стал заниматься в Военной академии, по окончании которой был отправлен снова в Полоцкий полк, где служил раньше. В академии Н. М. Пржевальский составил «Военно-статистическое обозрение Приамурского края», высоко оцененное в Русском географическом обществе и послужившее основанием к избранию его в 1864 г. членом общества. С этим обществом в дальнейшем была связана вся его жизнь и деятельность.

С ранних лет Н. М. Пржевальский мечтал о путешествиях. Когда ему удалось вырваться из полка в большой город – Варшаву и стать преподавателем военного училища, он все силы и средства употребил на подготовку к путешествиям. Для себя он установил самый строгий режим: много работал в университетском зоологическом музее, ботаническом саду и в библиотеке. Настольными книгами его в то время были: сочинения К. Риттера об Азии, «Картины природы» А. Гумбольдта, разные описания русских путешественников по Азии, издания Русского географического общества, книги по зоологии, особенно по орнитологии (о птицах).

Очень серьезно Н. М. Пржевальский относился к своим преподавательским обязанностям, обстоятельно готовился к занятиям, предмет излагал интересно и увлекательно. Он написал учебник по общей географии. Его книга, научно и живо написанная, в свое время пользовалась большим успехом в военных и гражданских учебных заведениях и вышла в нескольких изданиях.

В начале 1867 г. Н. М. Пржевальский переехал из Варшавы в Петербург и представил в Русское географическое общество свой план путешествия в Центральную Азию. Поддержки план не получил. Ему дали лишь рекомендательные письма к начальству Восточной Сибири. Здесь ему удалось получить командировку в Уссурийский край, незадолго перед тем присо-

единенный к России. В инструкции Н. М. Пржевальскому поручалось осмотреть расположение войск, собрать сведения о числе и состоянии русских, маньчжурских и корейских поселений, исследовать пути, ведущие к границам, исправить и дополнить маршрутную карту. Кроме того, разрешалось «производить какие угодно ученые изыскания». Отправляясь в эту экспедицию весной 1867 г., он писал к своему другу: «...я еду на Амур, оттуда на р. Уссури, озеро Ханка и на берега Великого океана, к границам Кореи. Да! На меня выпала завидная доля и трудная обязанность – исследовать местности, в большей части которых еще не ступала нога образованного европейца. Тем более что это будет первое мое заявление о себе ученому миру, следовательно, нужно поработать усердно».

В итоге своей уссурийской экспедиции Н. М. Пржевальский дал хорошее географическое описание края. В хозяйстве Приморья он подчеркнул несоответствие между богатейшими природными возможностями и их незначительным использованием. Особенно его привлекли Приханкайские степи своими плодородными почвами, обширными пастбищами и огромным богатством рыбы и птицы.

Н. М. Пржевальский красочно, во всей прелести и своеобразии, показал географические особенности Уссурийского края. Он подметил, между прочим, характерную черту природы Дальнего Востока: «стык» южных и северных растительных и животных форм. Н. М. Пржевальский пишет: «Как-то странно непривычному взору видеть такое смешение форм севера и юга, которые сталкиваются здесь как в растительном, так и в животном мире. В особенности поражает вид ели, обвитой виноградом, или пробковое дерево и грецкий орех, растущие рядом с кедром и пихтой. Охотничья собака отыскивает вам медведя или соболя, но тут же рядом можно встретить тигра, не уступающего в величине и силе обитателю джунглей Бенгалии».

Уссурийское путешествие Н. М. Пржевальский считал предварительной рекогносцировкой перед своими сложными экспедициями в Центральную Азию. Оно закрепило за ним репутацию опытного путешественника-исследователя. Вскоре после этого он стал хлопотать о разрешении ему путешествия в северные окраины Китая и в восточные части южной Монголии.

Главные задачи своего первого путешествия по Китаю – в Монголию и страну тангутов – Н. М. Пржевальский определяет так: «Физико-географические, а также специальные зоологические исследования над млекопитающими и птицами были главным предметом наших занятий; этнографические изыскания производились по мере возможности». За время этой экспедиции (1870–1873 гг.) было пройдено 11 800 километров. На основании глазомерной съемки пройденного пути составила карта на 22 листах в масштабе 1: 420 000. Ежедневно производились метеорологические и магнитные наблюдения, собраны богатые зоологические и ботанические коллекции. Дневник Н. М. Пржевальского заключал ценные записи физико-географических и этнографических наблюдений. Наука впервые получила точные сведения о гидрографической системе Куку-нора, северных высотах Тибетского нагорья. На основании материалов Н. М. Пржевальского можно было значительно уточнить карту Азии.

По окончании экспедиции знаменитый путешественник записал: «Путешествие наше окончилось! Его успех превзошел даже те надежды, которые мы имели... Будучи нищими относительно материальных средств, мы только рядом постоянных удач обеспечивали успех своего дела. Много раз оно висело на волоске, но счастливая судьба выручала нас и дала возможность совершить посильное исследование наименее известных и наиболее недоступных стран внутренней Азии».

Эта экспедиция упрочила славу Н. М. Пржевальского как первоклассного исследователя. С русскими, английскими и немецкими изданиями книги «Монголия и страна тангутов» быстро ознакомился весь научный мир, и труд этот получил самую высокую оценку. Задолго до окончания обработки материалов монгольского путешествия Н. М. Пржевальский начал готовиться к новой экспедиции. В мае 1876 г. он выехал из Москвы, чтобы отправиться в Кульджу, а оттуда в Тянь-шань, на Лоб-нор и дальше до Гималаев. Добравшись до реки Тарим, экспе-

дия в составе 9 человек направилась вниз по ее течению к Лоб-нору. Южнее Лоб-нора Н. М. Пржевальский открыл огромный хребет Алтын-даг и в трудных условиях обследовал его. Он отмечает, что открытие этого хребта проливает свет на многие исторические события, так как древняя дорога от Хотана в Китай шла «по колодцам» на Лоб-нор. Во время длительной остановки на Лоб-норе были сделаны астрономические определения главных пунктов и съемка озера. Кроме того, производились орнитологические наблюдения. Открытие Н.М. Пржевальским Алтын-дага было признано всеми географами мира крупнейшим географическим открытием. Оно установило точно северную границу Тибетского плоскогорья. Тибет оказался на 300 километров севернее, чем предполагалось раньше.

В Тибет экспедиции пробраться не удалось. Этому помешали болезнь руководителя и ряда членов экспедиции и особенно обострение русско-китайских отношений. Отчет о своем втором путешествии по Центральной Азии Н. М. Пржевальский составил очень краткий. Часть материалов этой экспедиции вошла впоследствии в описание четвертого путешествия. В советское время в архиве Русского географического общества обнаружены некоторые не опубликованные ранее материалы, относящиеся к лобнорскому путешествию.

В начале 1879 г. Н. М. Пржевальский отправился в новое, третье, путешествие в Центральную Азию. Экспедиция прошла из Зайсана в оазис Хами. Отсюда через неприветливую пустыню и хребты Нань-шаня, лежавшие по пути, путешественники поднялись на Тибетское плато. Первые впечатления Николай Михайлович описал так: «Мы вступали словно в иной мир, в котором прежде всего поражало обилие крупных зверей, мало или почти вовсе не страшившихся человека. Невдалеке от нашего стойбища паслись табуны куланов, лежали и в одиночку расхаживали дикие яки, в грациозной позе стояли самцы оронго; словно резиновые мячики, скакали маленькие антилопы – ады». После труднейших переходов путешественники в ноябре 1879 г. достигли перевала через хребет Тан-ла. В 250 километрах от столицы Тибета Лхассы, у деревни Найчу, путешественников задержали тибетские чиновники. После длительных переговоров с представителями тибетских властей Н. М. Пржевальский должен был повернуть обратно. После этого экспедиция до июля 1880 г. исследовала верховья Хуан-хэ, Куку-нор и восточный Нань-шань.

«Успех трех предшествовавших моих путешествий по Центральной Азии, обширные, оставшиеся там неведомыми площади, стремление продолжать, насколько хватит сил, свою заветную задачу, наконец, заманчивость вольной страннической жизни – все это толкало меня, по окончании отчета о своей третьей экспедиции, пуститься в новое путешествие», – пишет Н. М. Пржевальский в книге о четвертом путешествии по Центральной Азии.

Эта экспедиция была многочисленнее и обставлена богаче всех предыдущих. Экспедиция исследовала истоки Хуан-хэ и водораздел между Хуан-хэ и Ян-цзы. Эти местности, с точки зрения географической, в то время совершенно не были известны не только в Европе, но и в Китае и на картах обозначались лишь приблизительно. Достижение и исследование истоков Хуан-хэ Н. М. Пржевальский справедливо считал решением «важной географической задачи». Затем Н. М. Пржевальский обнаружил некоторые не известные европейцам и не имеющие местных названий хребты. Он дал им названия: хребет Колумба, хребет Московский, хребет Русский. Вершине хребта Московского Н. М. Пржевальский дал название «Кремль». К югу от хребтов Колумба и Русского Н. М. Пржевальский заметил «обширный снеговой хребет» и назвал его «Загадочным». Впоследствии этот хребет решением Совета Русского географического общества был назван именем Н. М. Пржевальского.

Исследовав северную часть Тибетского плато, экспедиция пришла на Лоб-нор и Тарим. Потом путешественники прошли на Черчен и дальше на Керию, отсюда через Хотан и Аксу в Каракол на озеро Иссык-куль. В географическом отношении это было самое плодотворное путешествие Пржевальского.

Ни почести, ни слава, ни известная материальная обеспеченность не могли удержать страстного путешественника на месте. В марте 1888 г. он закончил описание четвертого путешествия, а в следующем месяце уже имел разрешение и деньги на новую экспедицию в Лхассу. В октябре он прибыл в Каракол. Здесь был укомплектован весь состав экспедиции и приготовлен караван к путешествию. Но ехать дальше Н. М. Пржевальскому не пришлось: 1 ноября 1888 г. на руках своих сотрудников он умер от тифа. Николай Михайлович требовал от своих сотрудников не щадить «ни сил, ни здоровья, ни самой жизни, если то потребуется, чтобы выполнить... громкую задачу и сослужить тем службу как для науки, так и для славы дорогого отечества». Сам он всегда служил примером беззаветной преданности долгу. Перед смертью Николай Михайлович сказал: «Об одном прошу не забыть, чтобы похоронили меня непременно на берегу Иссык-куля, в походной экспедиционной форме...»

Его спутники выбрали для могилы ровное красивое место на берегу Иссык-куля, на обрыве, с видом на озеро и ближайшие окрестности. На могиле из больших глыб местного мрамора позже был сооружен памятник с надписью: «Николай Михайлович Пржевальский, родился 31 марта 1839 г., скончался 20 октября 1888 г. Первый исследователь природы Центральной Азии» (даты указаны по ст. стилю).

Пространство Центральной Азии, в котором совершались путешествия Н. М. Пржевальского, расположено между 32 и 48° северной широты и 78 и 117° восточной долготы. С севера на юг оно тянется более 1000 километров и с запада на восток около 4000 километров. Направления маршрутов экспедиции Пржевальского на этом громадном пространстве составляют настоящую сеть. Его караваны прошли свыше 30 000 километров.

Важнейшей частью программы всех своих путешествий Н. М. Пржевальский считал физико-географические описания и маршрутно-глазомерную съемку. Он проложил и нанес на карту много тысяч километров новых, никому до него не известных путей. Для этого он произвел съемку, астрономически определил 63 пункта, сделал несколько сот определений высот над уровнем моря.

Съемку Н. М. Пржевальский производил сам. Он всегда ехал впереди каравана с маленькой записной книжечкой в руках, куда заносил все его интересующее. Записанное, по приходе на бивуак, Н. М. Пржевальский переносил на чистый планшет. Он имел редкую способность необыкновенно точно описывать пройденные им местности. Благодаря ему карта Центральной Азии существенно изменилась во всех своих частях. Наука обогатилась понятиями об орграфии Монголии, северного Тибета, области истоков Хуан-хэ, Восточного Туркестана. После гипсометрических наблюдений Н. М. Пржевальского стал вырисовываться рельеф огромнейшей страны. На карте появились новые горные хребты взамен многих мифических гор, отмеченных на древних китайских картах. Н. М. Пржевальский в трех местах пересек северную границу Тибета – Куэнь-луня. До него эти горы на картах показывали прямой линией. Он показал, что эти горы делятся на ряд отдельных хребтов. На картах Азии до путешествий Н. М. Пржевальского не значилось гор, составляющих южную ограду Цайдама. Эти горы впервые исследовал Н. М. Пржевальский. Отдельным хребтам он дал названия, например, хребет Марко-Поло, хребет Колумба. Эти названия значатся на всех современных картах Азии. В западной части Тибета он открыл и назвал отдельные хребты горной системы Нань-шаня (хребет Гумбольдта, хребет Риттера). Географическая карта прочно хранит названия, связанные с деятельностью первого научного исследователя Центральной Азии.

До путешествий Н. М. Пржевальского в Центральную Азию ровно ничего не было известно об ее климате. Он первый дал живое и яркое описание времен года и общую характеристику климата посещенных им стран. Изо дня в день, тщательно, в течение многих лет он проводил систематические метеорологические наблюдения. Н. М. Пржевальский дал ценные материалы для суждения о распространении на север и запад влажного, дождливого муссона Азии и о границе двух его главных областей – индийской и китайской, или восточно-азиатской.

На основании его наблюдений впервые установили общие средние температуры для Центральной Азии. Они оказались на $17,5^{\circ}$ ниже, чем предполагали.

Свои научные исследования, начиная с первого уссурийского и включая последующие четыре больших путешествия в Центральную Азию, Н. М. Пржевальский проводил по единой программе. «На первом плане, – пишет он, – конечно, должны стоять исследования чисто географические, затем естественно-исторические и этнографические. Последние... весьма трудно собирать мимолетом... Кроме того, для нас слишком много было работы по другим отраслям научных исследований, так что этнографические наблюдения и по этой причине не могли вестись с желаемой полнотой».

Крупнейший знаток растительности Азии академик В. Л. Комаров подчеркивает, что нет такой отрасли естествознания, в которую исследования Н. М. Пржевальского не внесли бы выдающегося по своему значению вклада. Его экспедиции открыли совершенно новый мир животных и растений.

Все работы Н. М. Пржевальского носят печать исключительной научной добросовестности. Он пишет только о том, что видел сам. Его путевые дневники поражают своей педантичностью и аккуратностью записей. На свежую память, регулярно, по определенной системе он записывает все виденное. Путевой дневник Н.М. Пржевальского включает: общий дневник, метеорологические наблюдения, списки собранных птиц, яиц, млекопитающих, моллюсков, растения, горных пород и т. д., заметки общие, этнографические, наблюдения зоологические и астрономические.

Тщательность и аккуратность путевых записей давали возможность их автору потом в короткие сроки заканчивать полную обработку материалов.

Заслуги Н. М. Пржевальского были признаны еще при жизни его в России и за границей. Двадцать четыре научных учреждения России и Западной Европы избрали его своим почетным членом. Н. М. Пржевальский состоял почетным членом русской Академии наук. Московский университет присвоил ему ученую степень почетного доктора зоологии. Город Смоленск избрал его почетным гражданином. Иностранные географические общества присудили Н. М. Пржевальскому свои награды: Шведское – высшую награду – медаль Вега, Берлинское – медаль имени Гумбольдта, Парижское и Лондонское – золотые медали, а Французское министерство просвещения – «Пальму академии». Лондонское географическое общество, присуждая ему в 1879 г. свою высшую награду, отмечало, что путешествие его превосходит все то, что имело место со времени Марко Поло (XIII в.). При этом отмечалось, что Н. М. Пржевальского к отчаянным и опасным путешествиям побудила его страсть к природе, а к этой страсти ему удалось привить все достоинства ученого-географа и самого счастливого и отважного исследователя неизвестных стран. Н.М. Пржевальский прошел в трудных условиях десятки тысяч километров, неделями не раздевался и не умывался, неоднократно его жизнь подвергалась непосредственной опасности. Но все это ни разу не поколебало его бодрого состояния и работоспособности. Упорно и настойчиво шел он к своей цели.

Личные качества Н. М. Пржевальского обеспечивали успех его экспедиции. Своих сотрудников он подбирал из простых, неизнеженных, предприимчивых людей и с большим недоверием относился к людям «дворянской породы». Сам он не гнушался никакой черной работы. Дисциплина во время экспедиции у него была суровая, без парадности и барства. Помощники его – В. И. Роборовский и П. К. Козлов – впоследствии стали известными самостоятельными путешественниками. Многие спутники участвовали в двух-трех экспедициях, а бурят Дондок Иринчинов провел вместе с Н. М. Пржевальским четыре экспедиции.

Научные результаты путешествий Н. М. Пржевальского громадны и многосторонни. Своими путешествиями он охватил огромные районы, собрал богатые научные коллекции, произвел обширные исследования и географические открытия, обработал результаты и подвел итоги. Собранные им разнообразные научные коллекции он передал научным учреждениям

России: орнитологическую и зоологическую – Академии наук, ботаническую – Ботаническому саду.

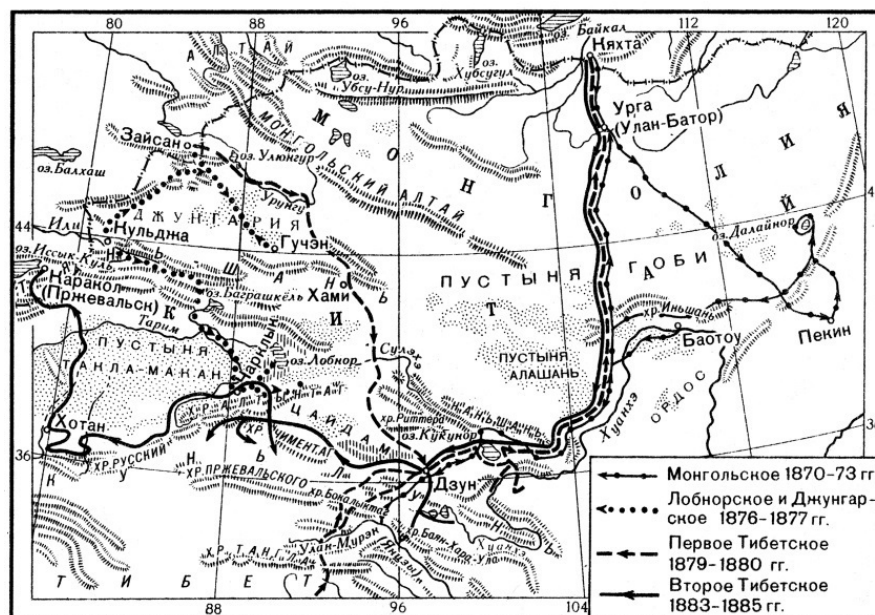
Увлекательные описания путешествий Н. М. Пржевальского в то же время строго научны. Книги его относятся к самым лучшим географическим сочинениям. Это блестящие результаты деятельности великого путешественника. Его работы содержат тонкие художественные описания многих птиц и диких животных, растений, ландшафтов и явлений природы Азии. Эти описания стали классическими и вошли в специальные работы по зоологии, ботанике, географии.

Составление подробного отчета о проведенной экспедиции Н. М. Пржевальский считал важнейшим делом. Возвращаясь из экспедиции, он пользовался каждым случаем, чтобы работать над отчетом даже на случайных остановках. Н. М. Пржевальский начинал новую экспедицию только после сдачи в печать книги о предыдущей. Он написал свыше двух тысяч печатных страниц о своих путешествиях. Все его труды, по выходе их из печати на русском языке, немедленно появлялись в переводах на иностранных языках за границей. Бывало, что издания работ Н. М. Пржевальского за границей расходились быстрее, чем в России.

Н. М. Пржевальский не имел себе соперников в предприимчивости, энергии, решительности, находчивости. Он буквально тосковал по неведомым странам. Центральная Азия манила его своей неисследованностью. Никакие трудности его не пугали. По общим итогам своих работ Н. М. Пржевальский занял одно из почетнейших мест среди знаменитых путешественников всех времен и народов. Его деятельность – исключительный пример неуклонного стремления к своей цели и талантливого выполнения своей задачи.

Бесстрашие, самоотверженная любовь к науке, стойкость, целеустремленность и организованность Николая Михайловича Пржевальского роднят его с людьми нашей эпохи.

М. Г. Кадек



Предисловие

Четыре года тому назад, благодаря инициативе Русского географического общества и просвещенному содействию Военного министерства делу науки, я получил назначение совершить экспедицию в Северный Китай, в те застенные владения Небесной империи, о которых мы имеем самые неполные и отрывочные сведения, почерпнутые из китайских книг, из описаний знаменитого путешественника XIII века Марка Поло, или, наконец, от тех немногих миссионеров, которым кое-когда и кое-где удавалось проникать в эти страны. Однако данные, добытые из всех этих источников, до того поверхностны и неточны, что вся Восточная нагорная Азия, от гор сибирских на севере до Гималайских на юге и от Памира до собственно Китая, до сих пор так же мало известна, как Центральная Африка или внутренность острова Новой Голландии. Даже об орографическом строении всей этой громадной площади мы имеем большей частью лишь гадательные данные; о природе же этих стран, то есть об их геологическом образовании, климате, флоре и фауне, мы не знаем почти что ничего.

Между тем эта terra incognita, по величине превосходящая всю Восточную Европу, помещенная в середине наибольшего из всех континентов, поднятая так высоко над уровнем моря, как ни одна из других стран земного шара, наконец, то прорезанная громадными хребтами гор, то раскинувшаяся необозримой гладью пустыни – представляет высокий и всесторонний научный интерес. Для натуралиста и для географа поприще здесь самое широкое; но насколько описываемые местности манят к себе путешественника своею неизведанностью, настолько же они и страшат его всевозможными невзгодами. С одной стороны, является пустыня со всеми ужасами своих ураганов, безводия, жаров, морозов; а с другой – население обыкновенно недоверчиво или враждебно встречает европейца.

Три года сряду выносили мы борьбу со всеми трудностями странствования в диких странах Азии и только благодаря необыкновенному счастью могли достигнуть своей цели: пробраться на озеро Куку-нор и даже в Северный Тибет, на верховья Голубой реки.

Счастье, повторяю, было моим неразлучным спутником во все время путешествия, с первого до последнего шага. В лице своего молодого товарища, подпоручика Михаила Александровича Пыльцова, я нашел деятельного и усердного помощника, энергия которого не падала ни перед какими невзгодами; два забайкальских казака – Панфил Чебоев и Дондок Иринчинов, сопровождавшие нас во второй и третий год путешествия, оказались смелыми и усердными людьми, служившими верой и правдой делу экспедиции¹.

С другой стороны, с не меньшей благодарностью я должен упомянуть имя бывшего нашего посланника в Пекине генерал-майора Александра Егоровича Влангали. По его главным образом инициативе возникла моя экспедиция, и от начала до конца он был самым горячим ее покровителем.

Но зато, если я был счастлив нравственно, так сказать, обстановкою дела, то, с другой стороны, материальные средства нашей экспедиции были крайне ничтожны, а это как нельзя более отражалось на самом ходе путешествия. Не говоря уже про различные лишения, которые мы испытывали в пути исключительно по неимению денег, мы не могли даже запастись в достаточной мере хорошими инструментами для производства наблюдений. Так, например, имея всего один гипсотермометр, который вскоре разбился, я принужден был употреблять при определении абсолютных высот точкою кипения воды² обыкновенный термометр Reaumur'a,

¹ В первый год своего путешествия мы также имели двух казаков, но они оказались людьми ненадежными.

² Барометр Паррота, взятый мною из Петербурга для определения высот, разбился еще по дороге в Сибири; впрочем, с этим барометром в путешествии, подобном нашему, возня слишком велика, и самый инструмент почти невозможно уберечь от ломки.

что, конечно, давало результаты менее точные; для производства магнитных наблюдений у нас была простая буссоль, приспособленная к такой цели на Пекинской обсерватории. Словом, снаряжение нашей экспедиции было крайне скудное, даже предметами самыми необходимыми для научных исследований.

В течение почти трех лет³ мы прошли по Монголии, Гань-су, Куку-нору и Северному Тибету 11 100 верст [11 842 км], из которых 5300 [5654 км], то есть весь передний путь, сняты глазомерно буссолью. Карта эта, приложенная в уменьшенном (40-верстном) масштабе к настоящей книге [фрагменты карты даны на форзацах], опирается на 18 пунктов широты, определенных мною посредством небольшого универсального инструмента⁴. В девяти пунктах сделано определение магнитного склонения, а в семи – горизонтального напряжения земного магнетизма. Ежедневно четыре раза производились метеорологические наблюдения, часто наблюдалась температура почвы и воды, а психрометром по временам измерялась сухость воздуха; anerоидом и точкою кипения воды определялись абсолютные высоты местности.

Физико-географические, а также специальные зоологические исследования над млекопитающими и птицами были главным предметом наших занятий; этнографические изыскания производились по мере возможности.

Сверх того, нами собраны и привезены следующие коллекции: 238 видов птиц, в числе около тысячи экземпляров; 130 шкур и шкурок млекопитающих, принадлежащих 42 видам; с десятков видов пресмыкающихся, в числе около 70 экземпляров; 11 видов рыб; более 3 тысяч экземпляров насекомых.

Ботаническая наша коллекция⁵ включает в себе флору всех посещенных местностей, от 500 до 600 видов растений, в числе приблизительно до четырех тысяч экземпляров. В небольшом минералогическом сборе находятся образчики горных пород со всех посещенных нами хребтов гор.

Таковы научные результаты совершенного нами путешествия. Горячее сочувствие встретило оно не только со стороны географического общества, но и от разных ученых, великодушно предложивших свои услуги для специальной разработки привезенных нами материалов.

Академик К. И. Максимович обязательно принял на себя описание собранной нами флоры, что составит третий том настоящего издания нашего путешествия. Второй том будет заключать в себе специальное исследование о климате посещенных нами местностей Внутренней Азии⁶ и специальные зоологические, частью также минералогические описания, в которых примут участие: профессора С.-Петербургского университета А. А. Иностранцев и К. Ф. Кесслер, энтомолог А. Ф. Моравиц, зоологи Н. А. Северцов, В. К. Тачановский и академик А. А. Штраух. Все эти ученые самым радушным образом помогли мне в определении тех видов животных, растений и камней, о которых упоминается на различных страницах настоящей книги.

Наконец, я должен выразить искреннюю благодарность полковникам Генерального штаба О. Э. Штубендорфу и корпуса топографов А. А. Большеву, принимавшим самое деятельное участие в составлении карты из моих маршрутов, и директору Пекинской обсерватории Г. А. Фритше, снабжавшему меня своими советами относительно астрономических и магнитных наблюдений и обязательно вычислившему все эти наблюдения.

³ С 17 [29] ноября 1870 года по 19 сентября [1 октября] 1873 года, считая со дня отправления из Кяхты и до дня возвращения туда.

⁴ Долгота тех же самых пунктов, которая, к сожалению, не могла быть наблюдаема, найдена приблизительно прокладкой моей маршрутно-глазомерной съемки, между определенными пунктами широты, принимая в то же время во внимание магнитное склонение.

⁵ Эта коллекция поступила в Императорский Ботанический сад, а зоологическая – в музей Академии наук.

⁶ К этому тому будут приложены все таблицы метеорологических, гипсометрических, психрометрических, астрономических и магнитных наблюдений.

Первый том нашего путешествия, т. е. настоящая книга, включает в себе физико-географические и этнографические описания посещенных нами местностей, а также рассказ о самом ходе экспедиции. Следующие два тома, как сказано выше, будут трактовать о специальных предметах, и эти томы предполагается выпустить: второй – в декабре настоящего года, а третий еще через год, то есть в конце 1876 года.

Н. Пржевальский.

1 [13] января 1875 года.

С.-Петербург

Глава первая От Кяхты до Пекина

(17[29] ноября 1870 г. – 2 [14] января 1871 г.)

Канун путешествия. – Почтовое сообщение через Монголию. – Выезд из Кяхты. – Местность до Урги. – Описание этого города. – Гоби. – Ее характер. – Птицы и звери пустыни. – Земля сахаров. – Крайний хребет Монгольского нагорья. – Город Калган. – Чайные караваны. – Великая стена. – Первое знакомство с китайцами. – Переезд до Пекина

В начале ноября 1870 года, прокатив на почтовых через Сибирь, я и мой молодой спутник, Михаил Александрович Пыльцов, прибыли в Кяхту, откуда должно было начаться наше путешествие по Монголии и сопредельным ей странам Внутренней Азии. Близость чужих краев почуялась для нас в Кяхте с первого же раза. Вереницы верблюдов на улицах города, загорелые, скуластые лица монголов, длиннокосые китайцы, чуждая, непонятная речь – все это ясно говорило, что мы стоим теперь накануне того шага, который должен надолго разлучить нас с родиной и всем, что только есть там дорогого. Тяжело было мириться с такой мыслью, но ее суровый гнет смягчался радостным ожиданием близкого начала путешествия, о котором я мечтал с самых ранних лет своей юности...

Будучи совершенно незнакомы с условиями предстоящего странствования, мы решили прежде всего ехать в Пекин, чтобы получить там паспорт от китайского правительства и уже затем отправиться в застенные владения Небесной империи. Такой совет дан был нам тогдашним нашим посланником в Китае, генералом Влангали, который от начала до конца экспедиции помогал ей всеми зависевшими от него средствами и своею великодушной заботливостью, как нельзя более, подготовил самый успех путешествия. Впоследствии, с первого своего шага из Пекина, мы увидели всю пользу иметь паспорт прямо от китайского министерства иностранных дел, а не от пограничного кяхтинского комиссара. Подобный паспорт придавал нам более значения в глазах местного населения, что очень важно для путешествия в Китае да, откровенно говоря, и не в нем одном.

Переезды из Кяхты до Пекина производятся европейцами двумя способами: на почтовых лошадях или на проходных монгольских верблюдах, по уговору с их хозяином.

Устройство почтового сообщения через Монголию определено трактатами: Тяньдзинским (1858 года) и Пекинским (1860 года). По этим договорам русское правительство получило право завести на свой счет срочную перевозку почт, как легких, так и тяжелых, от Кяхты до Пекина и Тянь-дзина. Подрядчиками служат монголы до Калгана, далее же китайцы. Почтовые отделения открыты нами в четырех местах: Урге, Калгане, Пекине и Тянь-дзине. В каждом из этих пунктов состоит русский чиновник, заведывающий отделением и наблюдающий за исправной перевозкой почты. Легкие почты отходят из Кяхты и Тянь-дзина три раза в месяц; тяжелые же один раз ежемесячно. При тяжелых почтах, которые перевозятся на верблюдах, всегда следуют два казака, наряжаемые из Кяхты; легкие почты сопровождаются только монголами и возятся на лошадях. Они обыкновенно доставляются из Кяхты в Пекин в две недели; тяжелые же следуют туда же от 20 до 24 дней. Содержание почты через Монголию стоит нашему правительству около 17 000 рублей; сбор же во всех четырех почтовых отделениях не превышает 3000⁷.

⁷ Между Ургой и Калганом существует еще почтовое сообщение, устроенное китайцами собственно для себя. От этой почтовой дороги, на границе халхаских владений, именно возле станции Саир-усу, отделяется другой почтовый путь, ведущий в город Улясутай.

Кроме того, китайское правительство обязалось для нужд нашей Пекинской миссии, как духовной, так и дипломатической, через каждые три месяца возить на свой счет из Кяхты в Пекин и обратно тяжелую почту весом не более 80 пудов за один раз.

В экстренных случаях, для передачи бумаг особенной важности нашему посланнику в Пекине или для препровождения им таковых же в Россию, могут быть отправляемы курьерами русские чиновники. О выезде такого курьера необходимо уведомить за сутки вперед в Кяхте китайского дзаргучея, а в Пекине Военную палату. Тогда делается распоряжение о заготовлении на всех китайских и монгольских станциях лошадей, и курьер, едущий в двухколесной китайской казенной телеге, при спешном следовании может проехать из Кяхты до Пекина, где расстояние около 1500 верст [1600 км], в 9 или 10 суток. Платы за такой провоз не полагается, но, по заведенному обычаю, русский чиновник на каждой станции дает в виде подарка три серебряных рубля.

Другой способ сообщения через Монголию состоит в том, что в Кяхте или в Калгане, смотря по тому, куда необходимо ехать, нанимают монгола, который обязывается протащить путешественника через Гоби на проходных верблюдах. Таким порядком ездят все наши купцы, отправляющиеся по торговым делам в Китай или из Китая в Россию. Сам путешественник обыкновенно помещается в китайской телеге, представляющей собой большой квадратный ящик, уставленный на двух колесах и закрытый со всех сторон. В переднем конце такого кузова делаются с боков отверстия, закрываемые небольшими дверцами. Эти лазейки служат проезжающему входом и выходом в его дорожном экипаже, в котором необходимо помещаться в лежачем положении и притом задом к переду, чтобы ноги не были выше головы. Тряска в такой телеге невообразимая, даже при езде шагом. Малейший камушек или кочка, на которые попадает одно из колес, заставляет сильно тряхнуться всю эту посудину, а вместе с ней, конечно, и пассажира. Можно себе представить, какие толчки испытывает этот последний при езде рысью на почтовых.

В подобном экипаже, взятом напрокат у одного из кяхтинских купцов, решили мы двинуться на наемных верблюдах через Монголию в Калган. Подрядчиком явился монгол, доставивший в Кяхту транспорт чая и теперь возвращавшийся обратно за новым грузом. После долгих рассуждений мы, наконец, уговорились с ним перевезти нас с одним казаком и всею кладью в Калган за 70 лан⁸. Срок переезда был назначен 40 суток – сравнительно очень длинный, так как монголы доставляют проезжающих из Кяхты в Калган даже в 25 дней, но зато плата за провоз при такой скорости значительно увеличивается. Мне же хотелось возможно подробнее познакомиться со страной, по которой я буду проезжать, так что медленность движения оказывалась еще и на руку.

Переводчиком монгольского языка с нами был командирован из Забайкальского казачьего войска казак, родом бурят. Он оказался хорошим драгоманом, но, будучи сыном богатого человека и столкнувшись с трудностями путешествия, вскоре начал так сильно тосковать по родине, что я принужден был весной следующего года отправить его в Кяхту, откуда взамен того получил двух новых казаков.

Наконец, перед вечером 17 [29] ноября мы двинулись в путь. Зашагал верблюд, запряженный в телегу, в которой поместились мы с товарищем и общим нашим другом, лягавым сеттером Фаустом, привезенным из России. Немного спустя оказалась позади Кяхта, и мы ступили на монгольскую землю. «Прощай, родина! Прощай надолго! Придется ли еще тебя увидеть? Или нам суждено не вернуться из чужой далекой стороны?..»

На всем протяжении от Кяхты до Урги, где расстояние около 300 верст [320 км], местность несет вполне характер лучших частей нашего Забайкалья; здесь то же обилие леса и воды, те же превосходные луга на пологих горных скатах – словом, путнику еще ничто не возвещает

⁸ Китайский лан средним числом равняется двум нашим серебряным рублям.

о близости пустыни. Абсолютная высота этого пространства, от Кяхты до реки Хара-гол⁹, примерно около 2500 футов [760 м]; затем местность повышается, и в городе Урге поднятие над уровнем моря достигает уже 4200 футов [1280 м]. Такой подъем составляет северную окраину обширного плоскогорья Гоби.

В общем пространство между Кяхтой и Ургой несет гористый характер, но горы здесь достигают лишь средней высоты и притом большей частью имеют мягкие формы. Отсутствие резко очерченных вершин и больших диких скал, невысокие перевалы и пологие скаты – вот общий топографический характер здешних горных хребтов, которые все имеют направление от запада к востоку. Из этих хребтов, по ургинской дороге, более других отличаются по величине три: один на северном берегу реки Иро, другой – Манхадай – в середине и третий – Мухур – уже возле Урги. Перевал крут и высок только через Манхадай, но его можно обойти окольным, более восточным путем.

Орошение описываемого пространства богато, и из рек наибольшие суть Иро и Хара-гол, впадающие в Орхон, приток Селенги. Почва везде черноземная или суглинистая, весьма удобная для обработки; но культура еще не коснулась этой местности, и только верстах в 150 от Кяхты распаханно несколько десятин поселившимися здесь китайцами.

Гористая полоса, залегшая между Кяхтой и Ургой, довольно богата и лесами. Впрочем, леса эти, растущие главным образом на северных склонах гор, в своих размерах, форме и смешении пород далеко не представляют того богатства, как наши сибирские. Из деревьев здесь преобладают сосна, лиственница и белая береза; в меньшем числе к ним примешиваются кедр, осина и черная береза; иногда горные скаты одеты редкими кустами дикого персика и золотарника. Затем везде, по долинам и открытым склонам гор, растет превосходная густая трава, доставляющая пищу монгольскому скоту, который круглый год пасется на подножном корме.

В животном царстве зимой было не много разнообразия. Всего чаще встречались серые куропатки – *Perdix barbata*, зайцы – *Lepus tolai* и пищухи – *Lagomys ogotono*, зимующие жаворонки – *Otocoris albigula* и чечетки – *Fringilla linaria* большими стадами держались на дороге. Красивые красноносые клушицы – *Fregilus graculus* попадались все чаще и чаще по мере приближения к Урге, где они гнездятся даже в доме нашего консульства. В лесах, по словам местных жителей, водятся в большом числе косули, а также изюбри, кабаны и медведи. Словом, фауна здешней местности, так же как и остальная ее природа, несет еще вполне сибирский характер.

Через неделю по выезде из Кяхты мы добрались до города Урги, где провели четыре дня в радушном семействе нашего консула Я. П. Шишмарева.

Город Урга, главный пункт Северной Монголии, лежит на реке Толе, притоке Орхона, и известен всемномадам [кочевникам] исключительно под именем «Богдо-курень», или «Да-курень», то есть священное стойбище; именем же Урга, происходящим от слова «Урго» (дворец), окрестили его только русские.

Этот город состоит из двух частей – монгольской и китайской. Первая собственно и называется Богдо-курень, а вторая, лежащая от нее в четырех верстах к востоку, носит имя Май-май-чен, то есть торговое место (ныне Амологан-Батор). В середине между обеими половинами Урги помещается на прекрасном возвышенном месте, недалеко от берега Толы, двухэтажный дом русского консульства, с флигелями и другими пристройками.

Жителей во всей Урге считается до 30 тысяч. Население китайского города, выстроенного из глиняных фанз, состоит исключительно из китайцев – чиновников и торговцев. Те и другие по закону не могут иметь при себе семейств и вообще заводиться прочною оседлостью.

⁹ Слово «гол» по-монгольски означает «река» и всегда прилагывается к собственному имени реки, равно как и слово «нор» (правильнее «нур» – озеро) к названию озера; «дабан» (хребет) или «ула» (гора) – к имени хребта или горы.

Но, обходя такой закон, китайцы обыкновенно держат наложниц из монголов; маньчжурские же чиновники привозят с собой и семейства.

В монгольском городе на первом плане являются кумирни с своими позолоченными куполами и дворец кутухты – земного представителя божества. Впрочем, этот дворец по своей наружности почти не отличается от кумирен, между которыми самая замечательная по величине и архитектуре – храм Майдари, будущего правителя мира. Это высокое квадратное здание с плоской крышей и зубчатыми стенами; внутри его, на возвышении, помещается статуя Майдари в образе сидящего и улыбающегося человека. Эта статуя имеет до 5 сажен вышины и весит, как говорят, около 8 тысяч пудов; она сделана из вызолоченной меди в городе Долон-нор¹⁰ а затем по частям перевезена в Ургу.

Перед статуей Майдари находится стол с различными приношениями, в числе которых не последнее место занимает стеклянная пробка от нашего обыкновенного графина; кругом же стен здания размещено множество других мелких божков (бурханов), а также различных священных картин.

Кроме кумирен и небольшого числа китайских фанз, остальные обиталища монгольского города состоят из войлочных юрт и маленьких китайских мазанок; те и другие помещаются всегда внутри ограды, сделанной из частокола. Подобные дворы то вытянуты в одну линию, так что образуют улицы, то разбросаны кучами без всякого порядка. В середине города находится базарная площадь, и здесь есть четыре или пять лавок наших купцов, которые занимаются мелочною продажей русских товаров, а также транспортировкой чая в Кяхту.

Самой употребительной единицей ценности, как в Урге, так и во всей Северной Монголии, служит кирпичный чай, который для торговых целей часто распиливается на мелкие кусочки. Цена продаваемого товара, не только на рынке, но даже и в лавках, здесь определяется числом чайных кирпичей; так, например, баран стоит от 12 до 15 кирпичей, верблюд – от 120 до 150, китайская трубка – 2–5 и так далее. Наши деньги, как кредитные, так и серебряные рубли, также принимаются ургинскими и вообще северными монголами, которые еще охотнее берут китайские ланы; однако кирпичный чай несравненно более в употреблении, в особенности между простолюдинами, так что желающие купить что-либо на базаре непременно должны тащить с собой целый мешок, а иногда даже воз тяжелых чайных кирпичей.

Население монгольской части Урги состоит главным образом из лам, то есть из лиц, принадлежащих к духовному сословию; число их в Богдо-курене простирается до 10 тысяч. Такая цифра может показаться преувеличенной, но читатель помирится с ней, когда узнает, что из всего мужского населения Монголии по крайней мере одна треть принадлежит дамскому сословию. Для обучения мальчиков, предназначенных быть ламами, в Урге находится большая школа с подразделением на факультеты: богословский, медицинский и астрологический.

Для монголов Урга по своему религиозному значению составляет второй город после Лассы¹¹ в Тибете. Как там, так и здесь пребывают главные святыни буддийского мира: в Лассе – далай-лама с своим помощником Бань-цин-эрдэни¹², а в Урге – кутухта, третье лицо после тибетского патриарха. По ламаистскому учению эти святыне, составляя земное воплощение божества, никогда не умирают, но только обновляются смертью. Душа их по смерти тела, в котором она имела местопребывание, переходит в новорожденного мальчика и через это является людям в более свежем и юном образе. Вновь возродившийся далай-лама отыскивается в Тибете по указанию своего умершего предшественника; ургинский же кутухта находится пророчеством далай-ламы, и также большею частью в Тибете. Тогда из Урги отправляется

¹⁰ Этот город лежит в юго-восточной окраине Монголии и составляет главное место фабрикации всех монгольских идолов.

¹¹ Столица Тибета Ласса (или, правильнее, Лхаса, с легким придыханием «х», как французского h) называется монголами Мунху-дзу (вечное святилище).

¹² Бань-цин-эрдэни обитает не в Лассе, а в монастыре Чжеси-лумбо.

туда огромный караван, чтобы привезти в Богдо-курень новорожденного святого, за отыскание которого далай-ламе везется подарок деньгами в 30 тысяч лан, иногда и более.

Во время нашего пребывания в Урге престол кутухты оставался незанятым, так как великий святой за год или два перед этим умер, и хотя его наместник отыскался в Тибете, но монгольское посольство не могло туда пробраться вследствие магометанского (дунганского) восстания, охватившего Гань-су, через которую лежит путь из Урги в Лассу.

Кроме ургинского кутухты в Монголии, во многих кумирнях и в самом Пекине живут другие кутухты, или гыгены, но они по святости считаются ниже своего богдокуреньского собрата; являясь к нему, они обязаны падать ниц, как и прочие смертные.

Китайское правительство, хорошо понимая, какое громадное влияние имеют гыгены и ламы над номадами, широко покровительствует всей духовной иерархии в Монголии. Таким способом китайцы упрочивают здесь свою власть и хотя немного парализуют общую ненависть монголов к своим угнетателям.

Сами по себе гыгены, за весьма немногими исключениями, люди весьма ограниченные в умственном отношении. Окруженные с самого детства крайней опекой приближенных лам, они лишены возможности развить свой ум хотя практически, вращаясь в кругу житейской обстановки. В изучении тибетской грамоты и ламайских книг, да и то часто в самом ограниченном размере, заключается все образование даже самых важных из этих святых. Приученные с детства смотреть на самих себя как на живых богов, они искренно верят в свое божеское происхождение и в новое перерождение после смерти¹³. Умственная недалечность гыгенов, обеспечивая господство приближенных лам, до того ревнуется этими последними, что способные мальчики, попавшие в такое звание, иногда отравляются своими же блюстителями. Такой участи, говорят, особенно часто подвергаются ургинские кутухты по наущению китайского правительства, опасаящегося видеть хотя сколько-нибудь самостоятельную личность во главе духовной иерархии монголов.

Ургинский кутухта обладает большими богатствами, так как независимо от приношений усердных верующих¹⁴ ему принадлежит до 150 тысяч подданных, живущих вокруг Урги и в других частях Северной Монголии. Все эти крепостные кутухты находятся в его непосредственном управлении и образуют так называемое Шабинское ведомство.

Наружный вид монгольской части Урги грязен до отвращения. Все нечистоты выбрасываются на улицы, на которых не только ночью, но даже днем жители отправляют свои естественные надобности. На базарной площади ко всему этому прибавляются еще толпы голодных нищих. Некоторые из них, преимущественно убогие старухи, поселяются здесь даже на постоянное жительство. Трудно представить что-либо отвратительней подобной картины. Дряхлая или увечная женщина ложится на землю посреди базара, и на нее, в виде подаяния, набрасывают старые войлоки, из которых страдалица устраивает себе конуру. Лишенная сил, она здесь же отправляет свои потребности и, покрытая тучами паразитов, молит проходящих о милостыне. Зимой бури навевают на такое логовище сугроб снега, под которым страдалица спасает свое жалкое существование. Сама смерть является к ней в ужасном образе. Очевидцы рассказывали нам, что когда наступают последние минуты несчастной, то вокруг нее собирается куча голодных собак, которые садятся кругом умирающей, и лишь только она затихнет в своей агонии, как тотчас бросаются обнюхивать лицо и тело, чтобы узнать – жива или нет злосчастная старуха. Но вот последняя начинает снова вздыхать или шевелиться – собаки снова отходят на прежнее место и терпеливо ждут своей жертвы. Лишь только замолкнет последнее дыхание ее жизни, труп съедается голодными собаками, а опорожненное логовище вскоре занимается

¹³ Гыгены, с которыми нам случалось видеться во время путешествия, никогда не говорили: «когда я умру», а всегда: «когда я перерожусь».

¹⁴ К новому году (в феврале) и к празднику Майдари (в июле) в Урге собирается до 100 тысяч богомольцев.

другой такой же старухой. В холодные зимние ночи более здоровые нищие вытаскивают этих старух на снег, где они замерзают, а сами залезают в их нору и спасаются от гибели.

Но это еще не все картины внутренней жизни священного города. Путешественник встречает более отвратительные сцены на кладбище, которое лежит возле самой Урги. Здесь трупы умерших не зарываются в землю, но прямо выбрасываются на съедение собакам и хищным птицам. Потрясающее впечатление производит подобное место, усеянное грудями костей, по которым, как тени, бродят стаи собак, исключительно питающихся человеческим мясом. Не успеют бросить сюда свежий труп, как его уже начинают терзать эти собаки, вместе с воронами и коршунами, так что через час или много два ничего не остается от мертвеца. Буддисты считают даже хорошим признаком, если труп будет скоро съеден – иначе человек, по их понятиям, не был при жизни угоден Богу. Ургинские собаки до того привыкли к подобной поживе, что в то время когда труп несут на кладбище по улицам города, то вместе с родственниками за покойником неминуемо следуют собаки, часто из его собственной юрты.

Управление Ургою, а вместе с тем и двумя восточными аймаками (ханствами) Халхи, то есть Северной Монголии, – Тушэту-хана и Цэцэн-хана, находится в руках двух амбаней, или губернаторов. Один из них всегда маньчжур, присылаемый из Пекина, а другой – из местных монгольских князей. Два других аймака Халхи – Джасакту-хана и Сайн-ноина – находятся в зависимости от улясутайского дзян-дзюня [главнокомандующего].

Хотя монгольские ханы, владельцы этих аймаков, заведуют всеми внутренними делами своих ханств на правах владетельных князей, но подчиняются китайским управителям, которые зорко блюдут шаткую власть Срединного государства [Китая] над номадами.

Во время нашего пребывания в Богдо-курене везде ходили слухи о дунганах, то есть магометанских инсургентах [повстанцах], которые только что напали на Улясутай и грозили тем же самым Урге. Опасение за участь этого города, столь важного в глазах номадов, заставило китайцев привести сюда 2000 собственных солдат и собрать 1000 монголов. Однако при нежелании драться тех и других воинов они служили слишком малою гарантией для безопасности Урги. Такое обстоятельство вынудило наше правительство ввести туда значительный отряд (до 600 человек пехоты и казаков с двумя орудиями) для охранения консульства и для гарантирования нашей чайной торговли. Отряд этот пробыл в Урге более года, и только благодаря ему инсургенты не посмели напасть на Богдо-курень.

С Ургою оканчивается сибирский характер местности, каковой имеет северная окраина Монголии. Переезжая реку Толю, путешественник оставляет за собой последнюю текучую воду и тут же на горе Хан-ула [Богдо-ула], которая считается священной с тех пор, как на ней охотился император Кан-хи¹⁵, путник должен распрощаться с последним лесом. Далее к югу, до окраины собственно Китая, тянется та самая пустыня Гоби¹⁶, которая залегла громадной полосой поперек восточно-азиатского нагорья, от западных подножий Куэн-люна [Куньлуня, или Куэнь-Луня] до Хинганских гор, отделяющих Монголию от Маньчжурии.

Западная часть этой пустыни, в особенности та, которая лежит между Тянь-шанем и Куэнь-лунем, совершенно неизвестна даже до настоящего времени. Восточная же половина Гоби всего лучше исследована по кяхтинско-калганской дороге, которая прорезывает ее в диагональном направлении. Здесь барометрическая нивелировка Фуса и Бунге в 1832 году, далее путешествия Тимковского, Ковалевского и других ученых, обыкновенно сопровождавших наши духовные миссии, следовавшие в Китай, выяснили нам как топографическое строение, так и природу этой части Азии. Наконец, недавнее путешествие астронома Фритше по восточной окраине Гоби и мои собственные исследования в ее юго-восточной, южной и сред-

¹⁵ Современник Петра Великого; лучший из императоров маньчжурского дома, энергичный, любознательный и весьма уважавший европейцев.

¹⁶ Слово «гоби» по-монгольски означает равнину безводную и бесплодную или малотравянистую. Собственно степь называется «тала».

ней частях дали нам уже не гадательные, но точные, основанные на наблюдениях данные относительно топографического строения, климата, флоры и фауны восточной половины великой среднеазиатской пустыни.

Барометрическая нивелировка Фуса и Бунге впервые разрушила господствовавшее до того времени у географов предположение о громадном (до 8000 футов) [2400 м] абсолютном поднятии всей вообще Гоби и низвела ее уровень до 4000 футов [1200 м]. Далее исследования тех же самых ученых показали, что в направлении кяхтинско-калганской караванной дороги абсолютная высота Гоби, около ее середины, спускается до 2400 футов [732 м], а по вычислению Фритше – даже до 2000 футов [610 м]. Подобное углубление, занимающее, по наблюдениям Фуса и Бунге, верст сто в ширину, не простирается далеко к западу или востоку, так как оно не было встречено ни Фритше в восточной части Гоби, ни нами во время перехода из Алашаня на Ургу серединою пустыни. При этом следует еще упомянуть, что восточная половина Гоби гораздо менее пустынна, нежели южная и западная ее части, достигающие наибольшей дикости и бесплодия в Ала-шане и в равнинах озера Лоб-нор.

Как сказано выше, сибирский характер местности, с ее горами, лесами и обильным орошением, оканчивается возле Урги, и отсюда к югу является уже чисто монгольская природа. Через день пути путешественник встречает совсем иную обстановку. Безграничная степь, то слегка волнистая, то прорезанная грядами скалистых холмов, убегает в синеющую, неясную даль горизонта и нигде не нарушает своего однообразного характера. То там, то здесь пасутся многочисленные стада и встречаются довольно часто юрты монголов, особенно вблизи дороги. Последняя так хороша, что по ней можно удобно ехать даже в тарантасе. Собственно Гоби еще не началась, и переходом к ней служит описываемая степная полоса, с почвою глинисто-песчаную, покрытую прекрасною травою. Эта полоса тянется от Урги к юго-западу, по калганской дороге, верст на 200 и затем незаметно переходит в бесплодные равнины собственно Гоби.

Впрочем, и в этой последней местности несет более волнистый, нежели равнинный характер, хотя совершенно гладкие площади расстилаются иногда на целые десятки верст. Подобные места особенно часто попадаются около середины Гоби, тогда как в северной и южной ее части встречается довольно много невысоких гор, или, правильнее, холмов, стоящих то отдельными островками, то вытянувшихся в продольные хребты. Эти горы возвышаются лишь на несколько сот футов над окрестными равнинами и изобилуют голыми скалами. Их ущелья и долины всегда заняты сухими руслами потоков, в которых вода бывает только во время сильного дождя, да и то лишь на несколько часов. По таким сухим руслам расположены колодцы, доставляющие воду местному населению. Текучей воды не встречается нигде на всем протяжении от реки Толы до окраины собственно Китая, то есть почти на 900 верст [960 км]. Только летом, во время дождей, здесь образуются на глинистых площадях временные озера, которые затем высыхают в период жаров.

Почва в собственно Гоби состоит из крупнозернистого красноватого гравия и мелкой гальки, к которой примешаны различные камни, как, например, иногда агаты. Местами встречаются полосы желтого сыпучего песка, впрочем, далеко не столь обширные, как в южной части той же самой пустыни.

Подобная почва, конечно, не способна производить хорошую растительность, а потому Гоби очень бедна даже травою. Правда, по калганской дороге совершенно оголенные пространства встречаются довольно редко, но зато везде трава едва достигает фута [0,3 м] вышины и почти не покрывает красновато-серого грунта. Только иногда, в тех местах, где летняя влага более задерживается почвою, является злак, называемый монголами дырисун – *Lasiagrostis splendens*, растущий всегда кустами от 4 до 5 футов вышиной и твердый как проволока. Здесь же иногда приютится какой-нибудь одинокий цветок, а если почва солонцевата, то является бударгана – *Kalidium gracile* – любимый корм верблюдов. Во всех других местах лук, мелкая полынь, несколько других сложноцветных и злаков составляют преобладающую расти-

тельность пустыни. Деревьев и кустарников нет вовсе, да и возможно ли им развиваться, когда, помимо всех других неблагоприятных физических условий, зимние и весенние ветры бушуют здесь изо дня в день с такою силою, что даже вырывают с корнем низкорослую полынь и, скручивая ее в большие снопы, катают их по пустынным равнинам.

Население в собственно Гоби попадаетея несравненно реже, чем в предшествовавшей ей степной полосе. Действительно, разве только монгол да его вечный спутник верблюд могут свободно обитать в этих местностях, лишенных воды и леса, накаляемых летом до тропической жары, а зимою охлаждающихся чуть не до полярной стужи.

Вообще Гоби своею пустынностью и однообразием производит на путешественника тяжелое, подавляющее впечатление. По целым неделям сряду перед его глазами являются одни и те же образы: то неоглядные равнины, отливающие (зимою) желтоватым цветом иссохшей прошлогодней травы, то черноватые изборожденные гряды скал, то пологие холмы, на вершине которых иногда рисуется силуэт быстрого дзерена – *Antilope gutturosa*. Мерно шагают тяжело навьюченные верблюды, идут десятки, сотни верст, но степь не изменяет своего характера, а остается по-прежнему угрюмой и неприветливой... Закатится солнце, ляжет темный полог ночи, безоблачное небо заискрится миллионами звезд, и караван, пройдя еще немного, останавливается на ночевку. Радуются верблюды, освободившись из-под тяжелых вьюков, и тотчас же улягутся вокруг палатки погонщиков, которые тем временем варят свой неприветливый ужин. Прошел еще час, заснули люди и животные – и кругом опять воцарилась мертвая тишина пустыни, как будто в ней вовсе нет живого существа...

Поперек всей Гоби, из Урги в Калган, кроме почтового тракта, содержимого монголами, существует еще несколько караванных путей, где обыкновенно следуют караваны с чаем. На почтовом тракте, через известное расстояние¹⁷ выкопаны колодцы и поставлены юрты, заменяющие наши станции; по караванному же пути монгольские стойбища сообразуются с качеством и количеством подножного корма. Впрочем, на такие пути прикочевывает обыкновенно лишь бедное население, зарабатывающее от проходящих караванов то милостыней, то пастьбой верблюдов, то продажей сушеного скотского помета, так называемого аргала. Последний имеет громадную ценность как в домашнем бытуномада, так и для путешественника, потому что составляет единственное топливо во всей Гоби.

Однообразно потянулись дни нашего путешествия. Направившись средним караванным путем, мы обыкновенно выходили в полдень и шли до полуночи, так что делали средним числом ежедневно 40–50 верст. Днем мы с товарищем большей частью шли пешком впереди каравана и стреляли попадавшихся птиц. Между последними вороны – *Corvus soгах* – вскоре сделались нашими отъявленными врагами за свое нестерпимое нахальство. Еще вскоре после выезда из Кяхты я заметил, что несколько этих птиц подлетали к вьючным верблюдам, шедшим позади нашей телеги, садились на вьюк и затем что-то тащили в клюве, улетаая в сторону. Подробное исследование показало, что нахальные птицы расклевали один из наших мешков с провизией и таскали оттуда сухари. Спрятав добычу в стороне, вороны снова являлись за поживою. Когда дело разъяснилось, то все воры были перестреляны, но через несколько времени явились новые похитители и подверглись той же участи. Подобная история повторялась почти каждый день во все время нашего переезда из Кяхты в Калган.

Вообще нахальство воронов в Монголии превосходит всякое вероятие. Эти столь осторожные у нас птицы здесь до того смелы, что воруют у монголов провизию чуть не из палатки. Мало того, они садятся на спины верблюдов, пущенных пасть, и расклевают им горбы. Глупое, трусливое животное только кричит во все горло да плюет на своего мучителя, который, то взлетая, то снова опускаясь на спину верблюда, пробивает сильным клювом часто большую рану. Монголы, считающие грехом убивать птиц, не могут ничем отделаться от воронов, кото-

¹⁷ Всего от Урги до Калгана 47 почтовых станций на расстоянии около тысячи верст.

рые всегда сопутствуют каждому каравану. Положить что-либо съедомое вне палатки невозможно: оно тотчас же будет уворовано назойливыми птицами, которые, за неимением лучшей поживы, обдирают даже невыделанную шкуру на ящиках с чаем.

Вороны, а летом коршуны были нашими заклятыми врагами во время экспедиции. Сколько раз они воровали у нас даже препарированные шкурки, не только что мясо, но зато и сколько же сот этих птиц поплатилось жизнью за свое нахальство.

Из других пернатых в Гоби нам встречались часто лишь пустынные и монгольские жаворонки. Оба эти вида составляют характерную принадлежность Монголии.

Пустынный – *Syrhaptes paradoxus*, открытый и описанный в конце прошлого столетия знаменитым Палласом, распространяется через всю Среднюю Азию до Каспийского моря, а на юг встречается до Тибета. Эта птица, называемая монголами больдуру и китайцами саджи, держится исключительно в пустыне, где питается семенами нескольких видов трав (мелкой полыни, сульхира и других). Большой или меньший урожай этих трав обуславливает количество зимующих пустынных, которые в огромном числе скопляются зимою в пустынях Алашаня, будучи привлекаемы туда вкусными семенами сульхира – *Agriophyllum gobicum*. Летом часть этих птиц является в наше Забайкалье и выводит там детей. Яйца, числом три, кладутся прямо на землю, без всякой подстилки; самка сидит на них довольно крепко, несмотря на то, что эти птицы вообще осторожны. Зимою, в том случае когда на Монгольском нагорье выпадает большой снег, пустынные, гонимые голодом, спускаются в равнины Северного Китая и держатся здесь большими стадами; но лишь только погода несколько изменится к лучшему, они тотчас же улетают в свои родные пустыни. Полет описываемой птицы замечательно быстрый, так что когда несется целая стая, то еще издали слышен особый дребезжащий звук, как бы от сильного вихря; при этом птицы издают короткий, довольно тихий звук. По земле пустынный бегаёт очень плохо, вероятно, вследствие особого устройства своих ног, пальцы которых срослись между собой, а подошва подбита бородавчатой кожей, отчасти напоминающей пятку верблюда.

После утренней поправки пустынные всегда летят на водопой к какому-нибудь ключу, колодцу или солёному озерку. Здесь вся стая предварительно описывает несколько кругов, чтобы удостовериться в безопасности, а затем опускается к воде и, быстро напившись, улетает прочь. Места водопоев аккуратно посещаются описываемыми птицами, которые прилетают сюда иногда за несколько десятков верст, если ближе того нет воды.

Монгольский жаворонок – *Melanocorypha mongolica*, один из самых крупных представителей своего рода, держится только в тех местах Гоби, где она превращается в луговую степь. Поэтому описываемый вид встречается в пустыне лишь спорадически, но зато зимою скопляется большими стадами, в несколько сот, иногда тысяч экземпляров. Всего чаще мы видали этих жаворонков на южной окраине Гоби; в собственно Китае они также не редки, по крайней мере зимой.

Монгольский жаворонок – лучший певун центрально-азиатской пустыни. В этом искусстве он почти не уступает своему европейскому собрату. Кроме того, он обладает замечательной способностью передразнивать голоса других птиц и часто вклеивает их в строфы своей собственной песни. Поёт, поднимаясь вверх, подобно нашему жаворонку, а также часто сидя на каком-нибудь выдающемся предмете, например камне или кочке. Китайцы называют описываемого жаворонка бай-лин, очень любят его пение и часто держат в клетках.

Подобно пустынным, весной монгольские жаворонки подвигаются на север в Забайкалье и выводят там детей; впрочем, большая часть их остается в Монголии. Гнездо устраивается, как у европейского вида, на земле, в небольшом углублении, и в нем бывает от трех до четырех яиц. В монгольской пустыне, где холода перемежаются всю весну, описываемые жаворонки гнездятся очень поздно, так что мы находили в юго-восточной окраине Монголии совершенно свежие яйца в начале и даже в половине июня. На зимовку описываемый вид отлетает в те

части Гоби, где нет или очень мало снега. Несмотря на холода, достигающие здесь иногда до -37°C ¹⁸, жаворонки удобно зимуют и держатся обыкновенно по зарослям травы дырисун, мелкие семена которой составляют в это время их главную пищу. В подобном факте, замечаемом и на некоторых других видах птиц, мы видим прямое указание на то, что многих из наших пернатых на зиму угоняет к югу не холод, а бескормица.

Монгольский жаворонок распространяется к югу до северного изгиба Желтой реки, а затем, минуя Ордос, Ала-шань и гористую область Гань-су, вновь появляется в степях озера Куку-нор. Вместе с описанным видом жаворонков – *Otocoris albigula*, *Alauda pispoletta* и лапландские пуночки – *Plectrophanes lapponica*; последние, впрочем, встречались большими стадами только в земле цахаров (чахаров), то есть в юго-восточной окраине Гоби.

Из млекопитающих, свойственных этой пустыне, можно назвать пока только два характерных вида: пищуху и дзерена.

Пищуха – *Lagomys ogotono*, или, как монголы ее называют, оготоно¹⁹, принадлежит к тому роду грызунов, который, по устройству своих зубов, считается близким родственником зайца. Сам зверек достигает величины обыкновенной крысы и живет в норах, выкапываемых им в земле. Местом такого жительства пищухи выбирают исключительно луговые степи, преимущественно всхолмленные, а также долины в горах Забайкалья и северной окраины Монголии. В бесплодной пустыне этот зверек не встречается, поэтому его нет вовсе в средней и южной части Гоби²⁰.

Оготоно вообще замечательное животное. Норы свои эти зверьки обыкновенно устраивают обществом, так что где встретится одна такая нора, там, наверное, найдутся их десятки, сотни, иногда даже тысячи. Зимой, в сильные холода, оготоно не показываются из своих подземных жилищ²¹, но лишь только холод немного спадет, они вылезают из нор и, сидя у входа их, греются на солнце или торопливо перебегают из одной норы в другую. В это время слышится их голос, много похожий на писк обыкновенной мыши, только гораздо громче. У бедного оготоно столько врагов, что ему постоянно приходится быть настороже. Ради этого он часто только до половины высовывается из норы и держит голову кверху, чтобы не прозевать опасность. Лисицы-корсаки, волки, а всего более сарычи, ястребы, соколы и даже орлы ежедневно уничтожают бесчисленное множество описываемых пищух. Проворство крылатых разбойников на таких охотах изумительно. Я сам много раз видал, как сарыч бросался сверху на оготоно так быстро, что зверек даже не успевал юркнуть в свою нору. Однажды, на наших глазах, подобную историю проделал даже орел, бросившись на пищуху, сидевшую у входа норы, с высоты по крайней мере 30 или 40 сажень. Сарычи – *Buteo ferox* исключительно питаются пищухами, так что даже места своей зимовки в Гоби образуют главным образом с количеством описываемых грызунов. При известной плодовитости этих последних только подобное истребление препятствует их чрезмерному размножению.

В характере пищухи сильно преобладает любопытство. Завидя подходящего человека или собаку, этот зверек подпускает к себе шагов на десять и затем мгновенно скрывается в норе. Но любопытство берет верх над страхом. Через несколько минут из той же самой норы снова показывается головка зверька, и если предмет страха удаляется, то оготоно тотчас же вылезает и снова занимает свое прежнее место.

Еще особенность оготоно, свойственная и некоторым другим видам пищух, состоит в том, что они на зиму заготавливают себе запасы сена, которое складывают у входа в норы. Сено это припасается зверьками обыкновенно в конце лета, тщательно просушивается и складыва-

¹⁸ И даже более, по наблюдениям, производимым в Урге.

¹⁹ То есть «куцый»

²⁰ Но оготоно очень много в юго-восточной луговой окраине Монголии, а главное – в полупустыне в северо-западной части Гоби этот вид заменяется пищухой Прейса – *O. priscei*.

²¹ Зимней спячке эти зверьки не подвержены.

ется в стожки весом от 4 до 5, а иногда даже до 10 фунтов [4 кг]. Такое сено служит пище как для подстилки логовища в норе, так и для пищи зимой, но очень часто труды оготоно пропадают даром, и монгольский скот поедает его запасы. В таком случае бедный зверек должен всю зиму перебиваться высушенной травой, которую находит вблизи своей норы.

Замечательно, как долго оготоно может оставаться без воды. Положим, зимой он довольствуется кое-когда выпадающим снегом, а летом дождем; за неимением последнего является роса, хотя, впрочем, довольно здесь редкая. Но, спрашивается, что пьет оготоно в течение всей весны и осени, когда водяных осадков на Монгольском нагорье часто не бывает по целым месяцам, а сухость воздуха достигает крайних пределов?

Распространение описываемого зверька к югу доходит до северного изгиба Хуан-хэ; далее он заменяется иными видами.

Дзерен – *Antilope gutturosa* – есть вид антилопы, достигающей величины обыкновенной косули и свойственной Гобийскому нагорью, притом восточной, менее пустынной его части. Впрочем, дзерены встречаются и в Западной Монголии²², а также на озере Куку-нор, где проходит южная граница их распространения.

Описываемые антилопы всегда держатся стадами, в которые собираются иногда несколько сот, даже до тысячи экземпляров. Но подобные скопления бывают лишь в местах особенно обильных кормов; всего же чаще дзерены встречаются обществами от 15 до 30 или до 40 экземпляров. Избегая, по возможности, близкого соседства человека, они все-таки живут на лучших пастбищах пустыни и, подобно монголам, кочуют с одного места на другое, сообщаясь с количеством подножного корма. Подобные перекочевки иногда производятся очень далеко, в особенности летом, когда засуха гонит дзеренов на привольные пастбища Северной Монголии и даже в южные части нашего Забайкалья. Зимой глубокий снег принуждает их кочевать часто за несколько сот верст, на места малоснежные или вовсе бесснежные.

Описываемый зверь принадлежит исключительно степной равнине и тщательно избегает гористых местностей. Впрочем, дзерены держатся и в холмистых степях, в особенности весной, когда их привлекает туда молодая зелень, скорее развивающаяся на солнечном пригреве. Кустарников и высоких зарослей травы дырисун они тщательно избегают, и только в период рождения детей, что происходит в мае, самки являются в подобные местности, чтобы укрыть в них новорожденных. Впрочем, эти последние, уже через несколько дней после появления на свет, везде следуют за матерью и бегают так же быстро, как и взрослые.

Голос описываемой антилопы можно услышать очень редко; он состоит у самцов²³ из отрывистого, довольно громкого рывканья. Внешние чувства дзерена развиты превосходно. Он одарен отличным зрением, слухом и превосходным обонянием; быстрота его бега удивительная; умственные способности также стоят на значительной степени совершенства. Благодаря всем этим качествам описываемые антилопы не так легко даются своим врагам – человеку и волку.

Охота за дзеренами очень трудна, во-первых, по осторожности самого зверя, а во-вторых, по чрезвычайной его крепости на рану. В открытой степи дзерены не подпускают охотника ближе 500 шагов, а если напуганы преследованием, то бегут на расстояние вдвое большее. Подкрасться на равнине из-за каких-нибудь закрытий также весьма мудрено, потому что описываемые животные тщательно избегают подобных местностей. Только в холмистых степях удастся подойти шагов на 300 и, в редких случаях, даже на 200 или того менее, но и тогда невозможно наверное рассчитывать на добычу. Положим, на расстоянии 200 шагов из хорошего штуцера в дзерена можно попасть наверное, но пуля убивает зверя наповал лишь тогда, если поразит сердце, голову или позвоночный столб. Во всех других случаях дзерен убегает

²² В Ала-шане дзеренов нет вовсе; здесь пустыня для них слишком уже дика и бесплодна.

²³ Голоса самки я не слышал ни разу.

даже с смертельной раной и очень часто пропадает для охотника; с перебитой ногой он бежит еще так быстро, что его невозможно поймать даже на хорошей лошади. Для охоты необходим штуцер с большой настильностью полета пули. Это условие чрезвычайно важно, так как при стрельбе на большие расстояния нет возможности верно определить дистанцию, и пуля то не долетает, то перелетает через зверя. К штуцеру также необходимы сошки, которые в употреблении у всех сибирских охотников и без которых невозможно метко стрелять на большие расстояния, при долгой и скорой ходьбе, когда, вследствие усиленного обращения крови, руки держат ружье далеко не так твердо, как при спокойном стоянии. Словом, с первым шагом в азиатские пустыни охотник должен позабыть свою европейскую практику и поучиться многому у местных зверопромышленников.

Монголы, с своими плохими фитильными ружьями, охотятся за дзеренами следующим образом. В степи, где много антилоп, охотники выкапывают небольшие ямки, на известном расстоянии одна от другой, и не показываются сюда в течение нескольких недель для того, чтобы дзерены попривыкли к этим ямкам, с первого раза всегда возбуждающим сильное подзрение осторожных животных. Затем охотники едут к приготовленному месту и залегают в ямки, а другие их товарищи, соображаясь с направлением ветра, гонят антилоп к засадкам, из которых зверей убивают шагов на 50, иногда и того менее. Загонщикам необходима большая сноровка и полное знание характера дзерена, иначе все дело пропадет даром. Так, например, никогда не следует скакать на захват стада, потому что в подобном случае антилопы всегда бросаются сами наперерез всаднику и часто убегают в противоположную сторону. Обыкновенно загонщики, заехав далеко вокруг дзеренов, направляются к ним тихонько, как будто не обращая на зверей никакого внимания, часто останавливаются, едут шагом в сторону и, подвигая мало-помалу стадо впереди себя, нагоняют его, наконец, на залегших охотников.

Другой способ охоты номадов за дзеренами состоит в том, что монгол едет в степь на смирном и приученном к делу верблюде. Заметив антилоп, охотник слезает с своего животного и, ведя его в поводу, подвигается потихоньку к зверям, стараясь спрятаться за туловищем верблюда так аккуратно, чтобы шаги приходились в такт шагам животного. Дзерены сначала настораживаются, но, видя одного только верблюда, который монотонно ступает, пощипывая траву, подпускают к себе укрытого охотника на сотню шагов и даже ближе.

К концу лета, к периоду течки, дзерены бывают очень жирны и усердно преследуются монголами из-за своего вкусного мяса, а также из-за шкур, употребляемых для зимней одежды. Впрочем, такие шубы, шерстью вверх, номады носят редко и сбывают их нашим купцам в Урге или Кяхте. Кроме охоты с ружьем, монголы добывают дзеренов особыми ловушками, сделанными из крепкой травы дырисун и имеющими форму башмака. Когда животное попадет в такой башмак ногой, он до того режет и колет, что дзерен делается сильно хром, а иногда даже и вовсе не может ходить.

Кроме человека, сильно истребляют дзеренов волки, делая на них, по словам монголов, облавы целым обществом. Наконец, между этими антилопами бывают, по временам, сильные падежи, чему я сам был свидетелем зимой 1871 года.

При следовании в Калган мы встретили дзеренов в первый раз в 350 верстах [373 км] за Ургою. Нечего и говорить, какое впечатление производили на меня и моего товарища эти стада еще не виданных нами зверей. Целые дни гонялись мы за ними, к крайнему огорчению наших монголов, принужденных волей-неволей иногда ждать нас с караваном по целым часам. Ропот наших подводчиков достиг крайней степени и утишился лишь тогда, когда мы подарили им одну из убитых антилоп.

Несмотря на все бесплодие и пустынную Гоби, дорога, по которой мы шли в Калган, была сильно оживлена чайными караванами, которые встречались нам ежедневно по несколько десятков раз. Немного ниже я сделаю описание этих оригинальных караванов, а теперь буду продолжать о Монгольском нагорье.

Миновав после Халхи аймак монголов-суннитов, а вместе с ним и самую бесплодную часть Гоби, мы вступили снова в более плодородную степную полосу, которая на юго-востоке, подобно тому как на севере, окаймляет собой дикую и пустынную середину Монгольского нагорья.

Почва снова делается шероховатой и покрыта превосходной травой, на которой пасутся многочисленные стада, принадлежащие монголам-сахарам. Эти последние считаются пограничной стражей собственно Китая, состоят поочередно на государственной службе и разделены на восемь знамен. Район сахаров занимает в ширину верст 200, но вдоль нагорья, то есть с востока к западу, он раскинулся на протяжении почти втрое большее.

Находясь в постоянном соприкосновении с китайцами, сахара утратили в настоящее время не только характер, но даже и тип чистокровных монголов. Одежда у сахаров чисто китайская, и по наружности они ближе подходят к китайцам, имея всего чаще вытянутую или дугообразную, но не плоскую, округленную физиономию. Причиной такого изменения родного типа служат частые браки между сахарами и китайками; от такого смешения рождаются здесь так называемые эрлидзы, т. е. двуутробные.

Хотя орошение сахарской земли все еще очень бедное, но здесь уже начинают кое-где попадаться озера, между которыми Ангули-нор достигает значительной величины. Ближе к окраине нагорья изредка встречаются даже небольшие речки, и здесь впервые является культура и оседлая жизнь. Китайские деревни и обработанные поля ясно говорят путешественнику, что он оставил уже за собой дикую пустыню и вступает в страну, более приветную для человека.

Наконец, далеко впереди на горизонте показываются неясные очертания того хребта, который служит резкой границей между высоким, холодным нагорьем Монголии и теплыми равнинами собственно Китая. Этот хребет носит вполне альпийский характер. Крутые боковые скаты, глубокие ущелья и пропасти, остроконечные вершины, иногда увенчанные отвесными скалами, наконец, вид бесплодия и дикости – вот общий характер этих гор, по главному гребню которых тянется знаменитая Великая стена. В то же время описываемый хребет, подобно многим другим горам внутренней Азии, окаймляющим с одной стороны высокое плато, а с другой – более низкие равнины, вовсе не имеет подъема со стороны нагорья. До последнего шага путешественник идет между холмами волнистого плато, а затем перед его глазами вдруг раскрывается удивительнейшая панорама. Внизу, под ногами очарованного зрителя, встают, словно в причудливом сне, целые гряды высоких гор, отвесных скал, пропастей и ущелий, прихотливо перепутанных между собой, а за ними расстилаются густонаселенные долины, по которым серебристой змеей выются многочисленные речки. Контраст между тем, что осталось позади, и тем, что лежит впереди, поразительный. Не менее велика и перемена климата. До сих пор, во все время нашего перехода через Монгольское нагорье, день в день стояли морозы, доходившие до -37°C и постоянно сопровождаемые сильными северо-западными ветрами, хотя снегу было вообще очень мало, а местами он и вовсе не покрывал землю. Теперь, с каждым шагом спуска через окраинный хребет, мы чувствовали, как делалось теплее, и, наконец, прибыв в город Калган, встретили, несмотря на конец декабря, совершенно весеннюю погоду. Такова климатическая перемена на расстоянии всего 25 верст [27 км], лежащих между названным городом и высшей точкой спуска с нагорья. Эта последняя имеет 5400 футов [1646 м] абсолютной высоты, между тем как город Калган, расположенный при выходе из окраинного хребта в равнину, поднимается лишь на 2800 футов [858 м] над морским уровнем²⁴.

Этот город, называемый китайцами Чжан-цзя-коу, запирает собой проход через Великую стену и составляет важный пункт торговли Китая с Монголией²⁵. В Калгане считается до 70 тысяч жителей, исключительно китайцев, между которыми много магометан, извест-

²⁴ Название «Калган» происходит от монгольского слова «халга», то есть застава.

²⁵ Сюда идут также наши сукна, плис и пушные товары.

ных в Китае под общим именем «хой-хой». Здесь же живут два протестантских миссионера и несколько наших купцов, занимающихся транспортировкой чая через Монголию в Кяхту.

Хотя в последнее время, вследствие усиления морской перевозки, сухопутный транзит чая через Монголию значительно уменьшился, но, по словам наших купцов, ежегодно еще отправляется из Калгана в Ургу и Кяхту до 200 тысяч ящиков, каждый весом около трех пудов. Чай этот доставляется в Калган из плантаций возле города Ханькоу²⁶, частью сухопутно, частью на европейских пароходах до Тянь-дзина; затем половина его передается на руки нашим купцам для дальнейшей отправки, а другая препровождается в Кяхту или Ургу самими же китайцами. Подводчиками служат монголы, которые от подобной перевозки зарабатывают большие деньги. Извоз производится только осенью, зимой и самой ранней весной (до апреля), летом же все верблюды отпускаются в степь на поправку, линяют и запасаются силами для новой работы.

Чайные караваны составляют весьма характерное явление Восточной Монголии. Ранней осенью, то есть в начале сентября, со всех концов этой страны направляются в Калган длинные вереницы верблюдов, отгулявших летом на свободе степи и теперь снова оседланных для того, чтобы тащить каждому на своей спине, через пустыню, по четыре чайных ящика, то есть целых 12 пудов [196,5 кг]. Это выюк обыкновенный для монгольского верблюда, но на более сильных из них прибавляется еще пятый ящик. Монголы подражаются везти чай или прямо в Кяхту, или только до Урги²⁷, так как далее горы и часто глубокие снега страшно затрудняют верблюдов. В последнем случае чай доставляется из Урги в Кяхту на двухколесных подводах, запряженных волами²⁸.

Средняя цена за провоз одного ящика из Калгана до Кяхты равняется трем ланам, так что каждый верблюд зарабатывает в один курс 12 лан, то есть 25 рублей на нашу звонкую монету²⁹. Обыкновенно же в течение зимы караван успеет сходить из Калгана в Кяхту два раза³⁰, следовательно, хозяин верблюдов получает по 50 рублей за каждого из них. Погонщиков для ухода и выючения полагается по два человека на двадцать пять животных, так что расходы перевозки, в сущности, очень невелики, и подрядчик пользуется огромным чистым барышом даже в том случае, если в течение зимы у него пропадет несколько верблюдов от усталости или от худого корма. Караванные верблюды в особенности часто приходят в негодность вследствие того, что протирают себе пятки и делаются хромыми или сбивают спину от небрежного выючения. В первом случае монголы связывают животное, валят его на землю и подшивают на рану кусок кожи, заменяющий подошву, так что хромота большей частью проходит; верблюд же со сбитой спиной делается уже негоден к извозу в этом году и отпускается в степь на поправку. Принимая во внимание даже известный процент потерянных и испорченных верблюдов, все-таки монгол, владеющий хотя бы только несколькими десятками этих животных, получает на них очень большие заработки. Между тем есть немало подводчиков, которые владеют несколькими сотнями верблюдов, частью собственных, частью взятых внаем у бедных монголов, которым самим не стоит отправляться в извоз с несколькими животными. По-видимому, подобные заработки должны сделать монголов богатыми, но на деле этого не бывает, и редкий из них увозит к себе домой несколько сот рублей; все остальные деньги переходят в руки китайцев.

Последние эксплуатируют простодушных монголов самым бессовестным образом. Навстречу каждому каравану, приходящему осенью за чаем, выезжают несколько китайцев и приглашают хозяина остановиться у них. Квартира отводится даровая; внимание и услуги

²⁶ Этот город лежит на нижнем течении Янцзы-цзяна, или Голубой реки. Здесь находятся чайные фабрики русских и других европейцев.

²⁷ Часть чая здесь и остается для потребления монголов

²⁸ Летом, когда имеется достаточно подножного корма, сообщение между Калганом и Ургою производится также на быках.

²⁹ Средняя цена китайского лана в Калгане равняется 2 руб. 8 коп. на наши серебряные рубли.

³⁰ Обрато из Кяхты в Калган караваны идут большей частью пустыни; реже везут кое-какие товары, или дерево, сушеные грибы, соль, волос и шерсть.

оказываются полные. Монгол, с которым в другое время китаец не станет говорить, валяется теперь на нарах фанзы богатого купца, который сам или его приказчики подают трубку своему гостю и исполняют малейшие его желания. Монгол принимает все это за чистую монету и поручает своему хозяину рассчитаться за него с тем купцом, у которого он берет чай на извоз. Этого только и нужно китайцу. Получив деньги, которые платятся всегда вперед, он обсчитывает своего доверителя самым бессовестным образом, а затем предлагает ему то тех, то других товаров, на которые накладывает двойные цены. Далее часть денег идет на уплату податей, на взятки чиновникам, еще часть прокучивается, и в конце концов монгол уезжает из Калгана в путь с самым ничтожным остатком своего огромного заработка. Часть этого последнего он неминуемо должен отдать в кумирни, так что номад возвращается домой почти с пустыми руками.

Сухопутная транспортировка чая из Ханькоу в Кяхту так дорога³¹, что цена кирпичного чая, потребляемого исключительно монголами и сибирским населением, увеличивается одной доставкой втрое против его стоимости на фабриках. Время, потребное на переход каравана от Калгана до Кяхты, простирается от 30 до 40 дней, смотря по уговору с подрядчиком-монголом. При перевозке чая из Ханькоу в Кяхту каждый ящик обернут в толстую шерстяную попону; в Кяхте эти попоны сбрасываются, чайные ящики обшиваются невыделанной кожей и отправляются в европейскую Россию на телегах или санях, смотря по времени года.

Калган, как упомянуто выше, запирает собой один из проходов через Великую стену, которую мы увидели здесь в первый раз. Она сложена из больших камней, связанных известковым цементом. Впрочем, величина каждого камня не превосходит нескольких пудов, так как, по всему вероятно, работники собирали их в тех же самых горах и таскали сюда на своих руках. Сама стена в разрезе имеет пирамидальную форму, при высоте до трех сажен и около четырех в основании. На более выдающихся пунктах, иногда даже не далее версты одна от другой, выстроены квадратные башни. Они сделаны из глиняных кирпичей, наложенных попережку по длине и ширине и проклеенных известью. Величина башен различна; наибольшие из них имеют по шести сажен в основании боков и столько же в высоту.

Описываемая стена извивается по гребню окраинного хребта и, спускаясь в поперечные его ущелья, запирает их укреплениями. В подобных проходах только и годится к чему-либо вся эта постройка. В горах же самый характер местности делает их недоступными для неприятеля; между тем здесь также сложена стена, и все в одинаковых размерах. Мне случалось даже видеть, как эта постройка, примыкая к совершенно отвесной скале, не довольствовалась такой естественной преградой, но, оставляя узкий проход, обходила скалу по всей ее длине, иногда весьма значительной. И к чему творилась вся эта гигантская работа? Сколько миллионов рук работало над ней! Сколько народных сил потрачено задаром! История гласит нам, что описываемую стену выстроили за два с лишком века до Р. Х. [Рождества Христова] китайские владыки с целью оградить государство от вторжения соседних номадов. Но та же самая история говорит, что периодические напоры варваров никогда не разбивались об эту искусственную преграду, за которой китайскому государству недоставало и недостает другой, более прочной защиты – нравственной силы самого народа.

Впрочем, Великая стена, длину которой китайцы считают в 5 тысяч верст и которая протянулась, с одной стороны, в глубь Маньчжурии, а с другой – далеко за верхнее течение Желтой реки³², вовсе не такова в местностях, удаленных от Пекина. Здесь она строилась на глазах богдохана и его важнейших сановников и потому представляет действительно гигантскую работу; в местах же, удаленных от надзора высшей администрации, знаменитая Великая стена, которую европейцы привыкли считать характерной принадлежностью Китая, представляет не

³¹ Перевозка каждого ящика чая из Ханькоу в Калган обходится также по три лана.

³² До крепости Цзян-юй-гуань в провинции Гань-су.

более как разрушенный временем глиняный вал сажени три вышиной. Об этом упоминают миссионеры Гюк и Габе в описании своего путешествия по Монголии и Тибету³³, да и нам самим привелось в 1872 году видеть подобную же стену на границе Ала-шаня и Гань-су.

Пять дней провели мы в Калгане, окруженные самым радушным гостеприимством Матреницкого и нескольких других соотечественников, купцов-коммиссионеров, занимающихся транспортировкой в Кяхту чая, принадлежащего нашим же владельцам фабрик в городе Хань-коу. Место жительства русских купцов в Калгане находится за городом, при выходе из того живописного ущелья, которым проходят через окраинный хребет³⁴. Выгода загородного помещения тем велика, что здесь нет той грязи и вони, которые составляют самую характерную принадлежность всех городов Небесной империи [Китая].

Подобно всем другим иностранцам в Китае, наши купцы ведут свои дела через компраторов, то есть китайцев, которым доверяются торговые сделки своими соотечественниками. Впрочем, наши калганские купцы, из которых иные знают китайский язык, еще достаточно самостоятельны в торговых операциях, тем более что им часто приходится иметь дело прямо с подрядчиками-монголами. В Тянь-дзине же и во всех других портах Китая, открытых европейцам, компраторы составляют необходимую принадлежность каждого торгового дома. Через них ведутся все дела, и такой доверенный грабит своего доверителя самым беззастенчивым образом, так что через несколько лет обыкновенно открывает свою собственную торговлю.

³³ Нис. Souvenir d'un voyage dans la Tartarie et le Thibet. Т. II. P. 29.

³⁴ Кроме этого прохода, к Калгану ведет еще другое ущелье со стороны города Долон-нор

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.